Продается дом с дедушкой

Автор:
Маша Трауб

Продается дом с дедушкой

Маша Трауб

Какова цена успеха? Сколько стоит предательство? Как нужно было прожить жизнь, чтобы в конце ее собственные дети продали тебя вместе с домом? В этом романе нет положительных или отрицательных персонажей. Здесь все, как в жизни.

Маша Трауб

Маша Трауб

Продается дом с дедушкой

© Трауб М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Игорь Михайлович Петров был детским писателем. Совсем недавно он начал представляться именно так – детский писатель.

Игорь Михайлович подолгу сидел на лавочке в парке, обязав себя к ежедневному моциону, кормил голубей и думал, что нужно было бы это сделать раньше. Конечно, раньше. Признать себя. Вот его сейчас часто спрашивают: если вернуться на двадцать – тридцать лет назад, вы бы хотели что-то изменить? Игорь Михайлович, изобразив на лице лукавый мудрый прищур, всегда отвечал: нет, ничего. Я прожил счастливую жизнь. Я счастлив быть детским писателем. У меня прекрасная семья. Внуки читают мои рассказы. Разве это не счастье?

Да, в последнее время про него вспомнили – приезжала даже корреспондентка, молоденькая совсем, из какого-то популярного журнала. Он не запомнил название. С памятью у него плохо стало. Дальняя вроде сохранилась, а ближняя…

Журналистка была некрасивой, с короткой стрижкой, рваной челкой и выбритой половиной головы. Наглая, уверенная. В его время так себя не вели. Но он был с ней вежлив, называл «деточкой». Да, он сказал, что сделал бы все точно так же, ни дня бы не изменил в собственном прошлом.

Вранье все это! Конечно, изменил бы. Всю жизнь переписал бы, окажись такая возможность. Да что за жизнь-то была? Растереть да выбросить! Не жалко. Все пустить под нож и написать заново. Дерьмо, а не жизнь. Сейчас вот ничего. Его хотя бы уважают. Вспомнили, чуть ли не самым известным детским писателем называют. После смерти вообще к классикам причислят. А зачем ему это сейчас? Ему тридцать лет назад надо было. Или стоило смириться и «пахать эту борозду», не рыпаться, не пытаться выпрыгнуть из штанов. Вот он всю жизнь пытался, а толку-то. Как-то все бестолково сложилось.

Нет, журналисточке он все рассказал как надо – про жену-виолончелистку, про двух сыновей, про внуков. Про то, как он теперь внукам сказки на ночь сочиняет. Только нет, не записывает. Баловство все это – внуков развлечь. Да, а раньше сыновьям на ночь читал. И сочинял. Да, и с женой всю жизнь, бок о бок. Такая любовь, что на всю жизнь протянулась. Это счастье, деточка! Жена его всегда понимала, чувствовала. Конечно, ведь она музыкант, виолончелистка. Им было легко вместе. Творческие люди. Да, в любви и согласии всю жизнь. Нет, деточка, это не миф, не сказка, так бывает, уж поверьте. Нет, жена сейчас на даче – у нее рассада помидоров не принялась, новую поехала сажать. Очень она дачу любит. Там и яблони – еще мать сажала, а жена сохранила сад.

– А вы никогда не хотели стать взрослым писателем? Вырасти, так сказать, из детских штанишек? – дерзко спросила журналисточка.

– А почему вы не записываете? – вдруг насторожился Игорь Михайлович.

– Записываю. На телефон. Вот.

– Ну да, да, конечно. Мы же раньше от руки все. В блокнот. Потом машинисткам надиктовывали. Вот так. У меня была замечательная машинистка, Люся. Так текст чувствовала… Лучше всякого редактора. Таких машинисток сейчас поискать. Или больше нет такой профессии?

– Она ваши рассказы печатала? С ней можно связаться? – журналисточка встрепенулась.

– Нет, нет, не она печатала. Другая. Не знаю, давно это было. – Игорь Михайлович задумался.

– А, ну ладно. Так у вас ведь были повести для взрослых? – корреспондентка наседала, Игорю Михайловичу стало неловко – какая все-таки неприятная девица: торопливая, настырная… Вцепилась и не отстает! Заладила: «Для взрослых, для взрослых».

– Да, я писал роман, – ответил он, стараясь выглядеть мудрым и терпеливым. – До этого две повести вышли. Они имели успех. Вы же, наверное, не знаете, но тогда публикации в журналах… э… литературных журналах… были очень значимы. Так что я доволен – повести были опубликованы, критики о них хорошо отзывались. Вот так… Я ведь ваш коллега, если рассудить. Начинал как журналист. Да-да, не удивляйтесь. Работал в газете. Писал про передовиков производства. Очень интересный был период. Я был молод… В наше время требования к корреспондентам предъявлялись очень серьезные – нужно было уметь писать, вот так-то…

– Ну да, конечно, – без особого интереса сказала корреспондентка. – А вы ожидали такого успеха, когда писали свою главную детскую книгу?

– Нет. Я не думал об успехе. Настоящий писатель не думает об успехе. Он просто пишет. Потому что должен, не может не писать, – заученно отрапортовал Игорь Михайлович.

Журналисточка ушла, не слишком довольная, как показалось Игорю Михайловичу. Он вдруг стал нервничать: «А что дальше? Она пришлет ему интервью на согласование? Или сейчас так не делается? А если переврет его слова? Да нет же, записывала… А как узнать, когда интервью выйдет? Позвонит, наверное. Странно, что фотографа не было. Как же без фотографа?»

Детский писатель налил себе водочки – пятьдесят граммов с разрешения врача – и задумался. Внезапно нахлынувшая поздняя популярность его удивила и даже расстроила. Он уже давно перестал трепыхаться. Лет до пятидесяти еще брыкался, выкатывал грудь колесом, иногда ощущал себя на тридцать два. Да что там «иногда»? Не верил Игорь Михайлович в старение: в чужое верил, в свое – нет. Он-то еще тот, прежний. И мысли прежние. Да и внешне не сильно изменился. Ему бы еще признания… Все ведь ждал, наделялся… Вот-вот, еще чуть-чуть – и нагрянет, нахлынет известность.

А потом Игорь Михайлович затих. Писал иногда в стол, скорее для вида, чтобы жена не тащила на дачу – деревья стричь да траву косить. И ведь никто, даже жена, его так и не понял. Не понял того, что он ненавидел те рассказы, тот тощий сборничек, который вдруг принес ему короткую, как молния, стремительную и быстро прошедшую популярность тогда, в молодости, и вот сейчас вроде бы как вернул к жизни. Тогда ведь он даже насладиться не успел – какие там лавры? Так, тщеславию будто кинули подачку. И все. Та же корреспондентка, позвонив с просьбой об интервью, с наивным детским восторгом воскликнула: «А вы живы? Я думала, вы давно умерли!»

Да, он давно умер. Для себя, во всяком случае. Так и не смог переплюнуть себя того, молодого. Не смог сделать что-то большее, оставшись в литературе автором тощего сборничка для детей. Ему хотелось прокричать, что он – не детский писатель! Детей он не понимает, не любит, а иногда даже ненавидит. Это ведь нормальное чувство. Если ребенок вопит, как резаный, катается по полу – его что, любить надо? Да, собственные сыновья вызывали у Игоря Михайловича головную боль, брезгливость и желание уйти из дома – не видеть и не слышать. Женщины – да, по-другому устроены. А что от мужчины требовать? Не может мужчина любить красный сморщенный комок с непропорционально

большими гениталиями. Ужас – да, может испытывать. Ну, говорят ему: сын. И что? Умереть теперь от такого счастья? Ну, сын. Да показали бы другого младенца и сказали: вот сын. И какая разница? Никакой. Дети все одинаковые. Все эти причитания – ой, нос от тебя, глаза от меня, уши от бабки – это все для литературы годится, а не для жизни. А то, что он написал рассказы про старшего сына, так и что? Была бы под боком собака, он бы и про собаку написал. Никакой он не детский. Был бы детским, написал бы еще – стихи или продолжение историй про мальчика Гарика. Или не рассказики, а повесть. Но ведь больше ничего, ни строчки даже из пальца не высосал. Разве они не понимают? Он взрослый писатель, серьезный. У него был роман, неоконченный, правда, но ведь был же! То, что не дописал, – не его вина, так обстоятельства сложились. А если бы дописал – выдающийся был бы текст! И та, вышедшая в журнале повесть – тут он приукрасил, наврал корреспондентке – вышла всего одна, после которой его разнесли в пух и прах, живого места не оставили. Прилюдно, на публичном обсуждении, советовали вернуться к детишкам и не замахиваться на большее. Да, прямо в лицо, не стесняясь говорили: «Довольствуйся тем, что есть». Если бы не случай, и рассказиков бы не было.

А рассказы эти самые – нелепые, простоватые, написанные на коленке – тем временем потихоньку переиздавались. И так уж вышло, что на них выросло несколько поколений детей. И клеймо «детский» он так с себя и не смыл.

В этом году ему исполнилось шестьдесят, и он смирился, признавая, что у других-то и таких достижений нет, а у него есть хоть какие-то вес, имя. Где те злопыхатели, которые его критиковали? Нет их. Кто умер, кто исчез. А он есть. Жив, здоров, слава богу! Интервью вон раздает… Значит, переплюнул он всех. И, можно сказать, плюнул в вечность. Этим самым тощим сборничком. Вот так вот, утритесь!

– Никто не знает, из какого сора… – в задумчивости повторял Игорь Михайлович, когда получал очередное предложение выступить в библиотеке, в книжном магазине, а то и в литературном кафе перед благодарными, но чересчур шумными и гиперактивными маленькими читателями и их нервными, заполошными мамами и бабушками.

Это было новшество последних лет. Его стали звать на выступления. Игорь Михайлович поначалу терялся, стеснялся, не знал, как себя вести: что от него ждут, что он должен говорить, что рассказывать? Он должен развлекать детишек или их мамаш? Должен рассказывать о себе? Обычно он открывал свой

сборник – авторский экземпляр – и читал один или два рассказа. Бубнил на одной ноте, но читателям нравилось – все-таки автор, который удивительным образом все еще жив, читает рассказ собственного сочинения.

Игорь Михайлович, откровенно говоря, ненавидел эти встречи. Непременно объявлялась какая-нибудь неуемная бабуля, которая подходила и заявляла: «Я читала вас еще в детстве!» Он едва сдерживался, чтобы не указать даме на ее возраст. Да в каком, едрит твою налево, детстве? Да он моложе этой бабки лет на двадцать! Ну, а фразу от мамаш, причем сразу нескольких, скопившихся стайкой, которую произнесла та же журналисточка: «Ой, вы живы! Надо же! А я когда увидела объявление, даже не поверила!» – Игорь Михайлович слышал на каждом выступлении и приучил себя улыбаться. Даже шутил, если мамочка казалась ему симпатичной: «Можете потрогать, если не верите!» Мамаша заливалась смехом и осторожно дотрагивалась до его руки.

Да, многое изменилось. «Можно с вами сфотографироваться?» – спрашивали родительницы и норовили усадить к Игорю Михайловичу на колени брыкающегося ребенка, который не хотел фотографироваться с дядей-писателем. Игорь Михайлович тоже не хотел ни с кем фотографироваться, но покорно делал ребенку козу, удерживаясь от того, чтобы ущипнуть его пребольно за попу, пока мамаша крутила телефоном то так, то эдак.

«А напишите, пожалуйста, что-нибудь или нарисуйте», – просили его мамочки, которых он относил к разряду «выпендрежниц», подсовывая книгу для автографа. И Игорь Михайлович послушно рисовал голову зайца или черепашку. Он даже дома тренировался на отдельном листочке, чтобы черепаха была похожа на черепаху, а не на собачью какашку с глазами.

Игорь Михайлович фотографировался, рисовал, писал длинные пожелания неведомым ему Никитушке, Данечке – расти большим и здоровым – и чувствовал себя выпотрошенным, измотанным. Он очень уставал от этих встреч. Не понимал, зачем они нужны. Но с другой стороны, ему нравилось подойти к стенду, выставленному на всеобщее обозрение на видном месте, и рассматривать афишу – свое имя на ней, свою фотографию тридцатилетней давности. Где только ее нашли? Или это и есть настоящая слава? Значит, он теперь знаменитость? Это то, о чем он всегда мечтал? Вот об этом? Выступать перед детьми, которые все как один казались ему как минимум невоспитанными, а говоря откровенно, дебилами.

Но настоящий удар Игорь Михайлович получил позже. Перед одним из выступлений девушка-организатор спросила у него, сколько это будет стоить. Каков его обычный гонорар за выступление? Тут Игорь Михайлович почувствовал, что его ударили под дых. А он не успел не то что блок поставить, а даже прикрыться.

– Обычный, как у всех, – прохрипел он.

– Ну, у всех разный, – рассмеялась девушка.

– Тогда посчитайте средний, – сказал Игорь Михайлович. Прозвучало грубовато, даже немножко по-хамски. И он поспешно дал отбой, ткнув пальцем на все телефонные кнопки сразу.

Ему стало вдруг так обидно – как в молодости. И он опять почувствовал себя тридцатилетним неудачником. Стало до тошноты противно, скользко и мерзко. Ведь никто ни разу не сказал, даже не намекнул, что такие выступления оплачиваются. Какой же он идиот! Старый идиот! Сам не просил, и ведь никто и не предлагал. Считали дурачком, сумасшедшим стариком, который за толику внимания к своей персоне готов шкандыбать на другой конец города и терпеть тупые вопросы дебелых мамаш, молодящихся бабулек и сопливых, наглых детей, которым, чтобы они не вопили и сидели спокойно, надо запихнуть в рот шоколадку, чупа-чупс и выдать телефон или планшет, в который они с радостью уставятся и будут тыкать своими липкими пальцами в экран.

То есть он, как дурак, распоследний дурак, ходил везде бесплатно, в то время когда мог попросить гонорар? Когда эти люди могли ему заплатить, но не платили? Ведь на детях не принято зарабатывать! Ведь он же детский писатель, а потому не может быть меркантильным. Потому что дети – наше все, это святое. Можно зарабатывать на всем, кроме детей. К детям – забесплатно, ради их будущего, чтобы привить им любовь к чтению. Какой же он идиот!.. Сколько мог заработать! Сколько упущенных возможностей! Опять упущенных… А ведь кто-то не гнушается – берет, и совесть не мучает. Да наверняка все берут, только он прыгал от счастья, что про него вспомнили. Ему похлопали – он и рад, разве что хвостом не вилял, как дрессированная собачка. Чайку налили – он и счастлив. Коробку конфет в зубы сунули – он уж на седьмом небе. Детишки ему еще рисунки дарили, которые он выбрасывал сразу же в ближайшую урну. Да чтоб еще хоть раз, да забесплатно!.. Нет, теперь уж он будет умнее. Сейчас посмотрит, сколько ему заплатят, и будет просить не меньше, а то и больше. И

если его действительно считают живым классиком, если он так уж нужен, как ему заливают в уши, то пусть платят. Вот так вот!

Пришлось пить валокордин. Игорь Михайлович никак не мог успокоиться, дышал часто и нервно. Ну как же он мог сам не догадаться? Как обидно!.. И жена бы замолчала наконец. Бросил бы ей на стол деньги…

Лариса его давно ни во что не ставила. И дети вслед за ней. Спасибо, что из дому не выгнали! Лариса его как мужа в асфальт закатала, катком тяжелым сверху прошлась и с удивлением смотрит, как он пробивается, голос подает, что-то там еще каркает тихонько. Какая уж там любовь? Да и не было никакой любви. Сыновья его всегда стыдились, никому не говорили, кто их отец. Петровы – и ладно. Сейчас вообще почти не общаются. Жена-то с ними, при них – то внучка, то внук. Она – бабушка. А он никто! Вроде бы дедушкой называют, но им все равно – он чужой дедушка. Показали бы другого, так и его бы дедом называли. Про то, что он им сказки на ночь придумывает, – вранье на голубом глазу. Не придумывает. Не видится с ними почти. У жены все хорошо – дача, огород, пенсия, внуки бегают по участку. И ведь забыли, что это его участок. Его родителей участок. А ему там места нет… Давно нет. У всех есть там свой угол: у внуков комната, у младшей внучки – кроватка стоит, спальня отдельная, если кто-то из сыновей с женой приезжает. Лариса спит в маленькой комнатке, которую все так и называют «бабушкина комната». А дедушкиной – нет. И никогда не было. Да, считается, что дедушка не любит дачу, не любит Подмосковье. Но ведь ему и не дали возможности полюбить!

Жена ездила на дачу на выходные, на праздники, дети – с раннего детства, у них там целая компания: соседи, друзья, шашлыки. Теперь внуки ездят. Да жена там каждую собаку знает! Она и дом ремонтировала, и красила, и сажала, и выкапывала. Она – хозяйка! К ней и обращаются как к хозяйке. А если Игорь Михайлович появляется – траву покосить или чердак разобрать, – так к нему как к Лехе местному относятся. Нет, к Лехе лучше. Леха – он на все руки мастер, и с электричеством может, и насос починит. А Игорь Михайлович – обуза, даже с газонокосилкой – модной, сыном подаренной – справиться не может. Стрижет криво, косо.

– Лучше бы я Леху попросила, – каждый раз говорит жена, и Игорь Михайлович соглашается. Да, лучше бы Леха… А у него от этих работ тахикардия и давление. Только жене об этом не скажешь. Она ему быстро тахикардию устроит. Скандала не оберешься.

Но ведь если бы не он, то и дачи бы не было! Сейчас эта земля, считай, золотой стала! Почти Москва. Рядом – дома новые, кирпичные. Знаменитости здесь, какие хочешь, жили – и писатели, и поэты, и актеры. Потом новое поколение пришло – выкупило, снесло, возвело по новой. Дома-бункеры, альпийские горки, водопадики, заборы высоченные, красивые, с подъездными дорожками, с гаражами чуть ли не кукольными, на одну машину.

Лариса очень переживала, что у них все старое, глаз посторонний сразу цепляет несоответствие. Но вдруг и это вошло в моду – наличники на окнах, старый яблоневый сад, кусты малины, старые качели. И вроде бы они стали даже модные – новые жильцы к ним как на экскурсию стали ходить. Колодец рассматривали как чудо расчудесное, лавкой древней во дворе восхищались, а уж женщины над кухонной утварью причитали: да какой тазик, да какое ведро!

Ларису все уважали, восхищались ее вкусом. Игорь Михайлович удивлялся – разве она, Лариса, не помнит, что это все не ее, а от свекрови покойной досталось. Мать Игоря все собирала, хранила. Теперь Лариса вроде как звезда поселка. А ведь выбросить хотела! Игорь не позволил. Категорически запретил. Сложил все на чердак, который теперь Лариса разбирает и показывает гостям половники, миски, коврики плетеные, занавески, вручную связанные. И еще приспособления всякие, давно забытые, а в прошлом – обычные, те, что всегда под рукой. Щипчики – чтобы косточки из вишни выдавливать. Клац – и вишня целенькая, для варенья готовая, а косточка отдельно. Щипцы, чтобы орехи колоть, – тяжелые, давить надо двумя руками, с усилием. Скорлупа во все стороны, а ядрышко целенькое, крепенькое. Приноровиться надо, пока так научишься.

Или еще один раритет – железный круг с дырками. Это уже для пельменей. Кладешь тесто, прижимаешь, скалкой проводишь, и через дырки проваливаются аккуратные кругляшки. Мать, правда, не любила этот круг – давила стаканом. Не признавала она и пластмассовую вареничницу, похожую на вставную челюсть. Такую же розовую по цвету. Принцип действия тот же: кладешь кружок теста, в выемку – начинку, и прижимаешь. По бокам должен отпечататься рифленый рисунок. Но мать говорила, что руками быстрее и красивее получается. А это все – баловство, вроде как игрушка.

Или вот еще чудо техники, от которого у современных девиц-соседок глаза на лоб лезли. Железная, тяжеленная, неподъемная просто, двойная то ли

сковорода, то ли не сковорода. Грибочница. Выкладываешь тесто, ставишь в духовку, поддеваешь ножом, чтобы вытащить шляпки и ножки, а внутрь – можно сгущенку, а можно и так, пока горячие.

Раньше это место считалось далеким, невыгодным. Рядом – речка-вонючка да затхлое водохранилище, в котором местные плескались все лето. Земля плохая, гнилая. Комары. И пионерский лагерь, в котором Игорь проводил каждое лето – все три смены. Матери так было спокойнее – вроде как сын рядом, под приглядом. Под каким приглядом, если она к нему ни разу на родительский день не приехала? Пешком можно было дойти, так нет. Игорь там знал каждый куст, каждое дерево, каждую дорожку в лесу. И ненавидел все это. С детства он мало что помнил. Поздняя память… Только ощущение ненависти, постоянной тревоги, ненужности и запомнил. Да так четко, что даже самому страшно. Помнил, что всегда ходил один, под забором. И вынашивал план побега: сначала за ворота, потом по дороге, свернуть налево, потом через поле, направо – и дома. Ведь если дома, с родителями, то и ругать в лагере не станут. А если он сбежал, мать пожалеть должна.

Игорь ходил под воротами и придумывал, как незаметно пробраться мимо сторожа. Ворота ведь все время закрытыми держались. Открывались, только если машина с продуктами для кухни приезжала. Дыра в заборе тоже была – ребята из старшего отряда через нее сбегали в поселок регулярно. На станцию ходили, сигареты стреляли.

Но Игорь хотел выйти из лагеря непременно через главные ворота. Он считал, что так правильнее, меньше ругать будут. Но стоило ему приблизиться к воротам, как к горлу что-то подкатывало. Ему становилось нехорошо – до обморока. Сторож, дядя Вася, давно приметив мальчонку, который слонялся как неприкаянный, поливал его, обморочного, водой и нес в лазарет. Так очередная попытка побега приводила Игоря не в дом, а в лазарет, где его поили рыбьим жиром и переводили на усиленное питание. «Усиление» оборачивалось манной кашей и супом, которые Игорь ненавидел. Когда он заставлял себя проглотить лишнюю ложку супа, у него открывалась рвота. Врач прописывала унизительные клизмы, марганцовку для промывания желудка. И еще – что тоже было не менее унизительным – постельный режим.

Игорь ждал, что придет мать, ведь тут совсем недалеко: по дороге, потом направо, через поле – и его дом. Но мать не приходила.

Игорь выходил из лазарета больнее прежнего – синий, истощенный, и принимался за старое – слонялся вдоль забора и вынашивал план побега. Дядя Вася за ним присматривал, но боялся отогнать – вдруг этот дохлик опять в отключку свалится?

У Игоря не было друзей в лагере, даже приятелей он не завел. Да и откуда взяться друзьям-приятелям? Пока все к празднику Нептуна готовятся, он в лазарете. Пока самодеятельность репетирует – он опять в лазарете или вдоль забора шатается. Вожатые за него не волновались – знали, где искать. И ведь никто не догадался, не спросил: что это мальчик так к воротам приклеился? Может, удрать хочет? Может, мать звонком заказным нужно вызвать? И почему, что ни месяц, он в лазарете?

Дачу Игорь Михайлович не любил. Но как объяснить это Ларисе? Рассказать про лагерь? Рассмеется, не поймет. Никто ведь его тогда так и не понял. Да и что рассказывать? Про страхи? Смутные какие-то обрывки воспоминаний?

Он вообще мало помнил детали, только собственные ощущения. Помнил, как испугался – сильно, до частого сердцебиения и онемения в руках, – когда вдруг понял, что с Ларисой, женой, отметил не только серебряную свадьбу, но и с ней же доживет до золотой. И ничего, ничего в его жизни не изменится. Болото, тоска засосали так, что и не вырваться, только глубже затянет, с всхлипом, с причмокиванием.

На серебряную свадьбу старший сын, Гарик, подарил бокалы с гравировкой. Красивые, хрустальные, на длинных тонких ножках, в бархатном чехле. Для матери старался. Лариса всегда посуду любила. Особенно питьевую – чашки, бокалы, стопки для водки, графины всякие – для воды, для морса. Весь буфет заставила. Будто однажды ей будет пить не из чего, придется ладони ковшиком подставлять. Откуда у нее такие страхи? На балконе в квартире – так и вовсе склад посуды разместился: банки, склянки, стаканы граненые, чашки разнокалиберные. Лариса ничего не выбрасывала. Чашки от чайного сервиза побились, а блюдца остались – она все хранила. Если бы кто-то захотел поднести ей в старости воды, наверняка запутался бы с тарой. Это Игорь так шутил, но жена не понимала подобных шуток и обижалась.

– Зачем тебе блюдца без чашек? – спрашивал Игорь.

– Отвезу на дачу, буду ягоды детям класть, – отвечала Лариса.

У каждого свои страхи. Отсюда и страсть к накопительству. Мать вот так же скупала кухонные полотенца, тряпочки коллекционировала. И старые полотенца – большие, банные – никогда не выбрасывала, а разрезала их на несколько частей и приспосабливала на кухне – закрывала банки, прикрывала подходящее тесто. Что-то шло на грязную тряпку для стола, что-то – на чистую. Специальным полотенцем укутывалась кастрюля для вареной картошки – чтобы не остывала. Отдельная тряпочка предназначалась для вытирания рук – взрослых, и отдельная – для рук детских. Этих тряпочек у матери было несметное множество, и какая для чего – только она и знала.

Еще одной ее страстью были всякие приспособления для кухни. Кроме упомянутой грибочницы, у матери были разные шумовки – от столовой ложки в дырках до огромной, больше половника. Еще были щипчики, ножички, ложечки с длинными ручками, ложечки-лопатки, ложечки кофейные – совсем крошечные.

Младший, Петя, тогда, на их юбилей, нарисовал картину – дуб, в который вросла береза. И стволы сплелись так, что получилось одно дерево. Лариса заплакала, когда увидела. Но слезы были горькие, нерадостные. Она плакала навзрыд и никак не могла успокоиться. Петя топтался на месте, не зная, как реагировать на слезы матери. А Лариса долго плакала.

Гости умилялись – да, столько лет вместе, вросли друг в друга, как эти два дерева. И опять никто, никто не заметил того, что Лариса плачет не от умиления, а от горя. Оплакивая свою судьбу. Игорь это понял, но виду не подал. Ему тоже плакать хотелось. Он не знал, кем себя считала Лариса – березой или дубом. Но вот он точно был березой, а жена – дубом. Это она его захватила, придавила, заставила в себя врасти. А теперь уж куда рваться, когда корни общие?

Старший, Гарик, был больше похож на Ларису – крепкий, устойчивый, коренастый, как дуб, всегда высокий для своего возраста, скуластый. Он и по характеру пошел в мать: твердый хорошист, поступил в институт, звезд с неба не хватал, но быстро устроился на работу – «с девяти до шести, обед с часу до двух, отпуск – 21 день по профсоюзной путевке».

Младший, Петя, как считалось, пошел в отца. Стал художником. Ходил в художественную школу, потом не поступил в институт, отслужил в армии и снова начал рисовать. Лариса считала, что талант не принесет ему счастья. Безвольность и мягкость, которые прилагались к таланту, тоже не сулили блестящего будущего. Но Пете повезло с женой: незамысловатая девушка в длинной юбке занялась Петей – он преподавал детям, редко, но удачно продавал картины, рисовал пафосные проекты интерьеров. Жена его пинала, но мягко, нежно, с любовью. Он стал зарабатывать. И эта самая невестка в своей неизменно длинной юбке и деревянных украшениях, с простым именем Зина, родила долгожданную внучку, от которой Лариса теряла дар речи. Девочка была ее когда-то несбывшейся мечтой, а теперь – счастьем, любовью. Лариса, увидев такую картину, то ли оплакивала свою жизнь, то ли слезами вымаливала у бога надежду на то, что девочка пойдет в нее, бабку, или в ее мать – всегда загадочно улыбчивую, но оказавшуюся крепкой, стержневой, тем самым дубом, который сможет нести на своих корнях еще и березу мужского пола, защищать от ветра, от непогоды, отдавать соки, землю, солнце. Оберегать, закрывать и отдавать… Да, главное – отдавать!

Малышка, которую назвали прекрасным и совершенно непопулярным тогда именем София, оказалась домовитой и всецело обожаемой ее заботливой бабушкой. Они пекли пирожки, лепили из теста фигурки птичек, крутили булочки, язычки, слойки. Девочка могла часами возиться с тестом. Она собирала ягодки малины с кустов, рассматривая каждую. Неплохо разбиралась в грибах – Лариса, которая обожала ходить по грибы, передавала ей тайные знания о веснушках, лисичках, белых и подосиновиках.

Игорь был там лишним. Он не умел ни прибивать, ни завинчивать, ни подлатать, ни приладить. Он ничего не умел делать руками. Только под ногами путался. Если и брался огород полить – одну грядку зальет, другую пропустит. Став дедом, никаких особых, приличествующих случаю эмоций не испытал. Скорее удивился: он – дед? Дедушка? Страсти жены к внукам не разделил, а уж с внучкой и вовсе не умел обращаться, чему находил оправдание – не было у него дочки, поэтому и к внучке не знал, с какой стороны подойти. Жена – да, она же женщина, ей положено по половому признаку.

Вот так странно Игорь Михайлович и прожил свою жизнь. Нет, еще не прожил окончательно, еще живет, пыхтит, портит воздух в прямом смысле слова – с желудком и кишечником в последнее время совсем договориться не может. «Могло ли быть по-другому? Наверное, да», – в который раз думал Игорь

Михайлович, детский писатель, задумчиво выпуская дым в форточку.

– Опять накурил! Да всю квартиру же прокурил! – кричала Лариса, и он суетливо выбрасывал недокуренную сигарету, размахивая руками, пытаясь разогнать дым.

Да, с женой ему повезло. Сколько раз он слышал за эти годы, что с женой ему повезло? Миллион. Поначалу взрывался, а потом привык и послушно кивал. На юбилеях тоже все выпивали обязательно за Ларису. И все знакомые – в основном друзья Ларисы – радостно спрашивали: «Ну, повезло же с женой?»

Лариса любила застолья, посиделки, гостей. Он же терпеть этого не мог. Да и друзей у него не было. Приятелей – и то не нажил. Был Сашка Комаровский. Единственный друг, которого за друга не держал, а получилось, что ближе и не было никого. Только сгинул он… Или это сам Игорь сгинул? Последние лет двадцать Игорь о нем ничего не знал. Может, и умер уже. Захотел бы – узнал. Только лень было. Порыва внутреннего не хватало, давно уже никаких порывов. Да и вспоминать, если честно, ни о чем не хотелось.

– Ей со мной тоже повезло, – сказал как-то Игорь про жену во время застолья. И все начали смеяться, будто он очень удачно пошутил.

Повезло, наверное. Только лучше бы не везло. В другом бы повезло. Лариса-то помнит, как замуж вышла. И он помнит. Не было там любви. Ни у него, ни у нее. Крепкий брак без любви оказался.

Был момент, когда он хотел развестись. Но сел, подумал, представил и стух: двое детей, из квартиры не выгонишь, а размениваться – так вроде опять подлец получается. Уходить с одним чемоданом? Далеко не уйдешь. Раньше, по молодости, может, и мог бы, а сейчас уже куда? Лишь бы не выгнала. Лариса – она жесткой оказалась. Игорь даже представить не мог, что такая она жесткая, непрошибаемая. Быстро все под себя переделала, перестроила. И получилось, что это все ее – и дом, и дети, и дача, и телевизор тоже ее. Последняя чашка – и та ее. А ему позволяется жить рядом.

Нет, когда было тяжело, когда Игорь сидел без копейки, Лариса всех кормила. На ней и выкарабкались. И ведь до сих пор работает. На пенсию ее официально проводили, а она все равно подрабатывает. Говорит, что для души. Ей хорошо,

когда играет. Учеников набрала. Деньги все на внуков тратит и на дачу. Очень гордится материальной независимостью. И внуки рады – она им накупит всякой ненужной всячины, бестолковой, разовой, а они и прыгают от восторга. Внучку особенно балует: то скалку маленькую, совсем крошечную найдет и купит, то фартучек сошьет – в рюшах и в розочках. Куклами заваливает. Посуды пластмассовой целый пакет набрался: чашки, ложки, поварешки – все кукольное, маленькое. Сонечка варит суп из травы да одуванчиков, а бабушка нахваливает. Берет ложечку, крошечную, изображает, как она ест, а Сонечка смеется, радуется. Но взаправду внучке больше нравится готовить – она от бабушки не отлипает. Варенье вместе варят – Сонечка пенку ест, обжигается, терпит.

Игорь смотрит и отмечает – никогда он такой жену не видел. Лариса даже красавицей кажется, когда с внучкой возится. Взгляд другой, лицо другое – мягкое, нежное, изнутри светится. С мужем она никогда такой не была. Разве что с сыновьями, когда те маленькие были. А он, дедушка Игорь, как называет его Сонечка (будто у нее есть другой дедушка), так и не узнает это чувство. Жаль? Да нет. Не особо. Кому-то дано, а ему – нет.

Игорь был уверен, что Лариса заставит детей заниматься музыкой. Но нет. Дети не занимались. Внуки – уж тем более. Странно… Игорь вот хотел бы, чтобы кто-нибудь из детей писал, сочинял, но сыновья оказались не пишущие. Внуки тоже не в него пошли. Не передалось. Он иногда даже мечтал – сидеть над ученической тетрадкой, показывать, как надо написать, как лучше слова переставить. А Лариса сразу сказала: никакой музыкалки из-под палки! Не хотела им своей судьбы? Так ей-то что жаловаться? У нее судьба хорошо сложилась. Так все говорили. Да и она подтверждала – хорошо: дети, внуки, работа, теперь еще и ученики. Уважают, ценят. Почему же тогда она детей и внуков от музыки подальше держала? Или чувствовала материнским сердцем, что дети получились другие?

При очередной уборке Лариса решительно выбрасывала беспорядочно лежащие на рабочем столе Игоря листы с обрывками фраз, а то и целыми абзацами. А может, правильно делала? У него ничего не получалось… Давно ничего. Потом он запретил жене это делать. Прятал заметки, блокноты в ящиках стола.

Жена называла его графоманом. Имела на это полное право – ведь все на ее глазах было, она знала, как все случилось. Знала и, наверное, не могла ему этого простить. И если он придумал для других, вроде этой журналисточки, красивую легенду, в которую уже готов был и сам поверить, то Лариса ничего для себя не

придумывала. И для него не придумывала. Никогда не тешила его мужское самолюбие и не собиралась.

– Я и так много для тебя сделала, – говорила жена, и в этом тоже была права. Сделала. Многое. Была рядом в самые сложные моменты, как показала жизнь. Тянула его, выводила из депрессии и запоев, терпела его, наконец. Да, Лариса была терпеливой. Терпение оказалось главным ее качеством. Ослиное, буйволиное, животное терпение. Тянуть лямку, не жаловаться, рвать последние жилы, но молча, чтобы никто и не заметил. Она и внешне стала похожа на корову – ресницы красила чересчур ярко, они торчали, как приклеенные к глазам. Нет, в ней не было покорности судьбе, она не шла туда, куда ее гнал хлыст. Но Игорю все равно казалось, что рядом с ним – корова, которую выгнали на солнцепек, впрягли в плуг и заставили пахать борозду.

Почему корова? Один раз у Ларисы кончилось терпение. И она сорвалась. Сидела на кровати, раскачивалась, не плакала, не стонала, не всхлипывала, а мычала. На одной ноте. Тогда все шло не так – одно, другое, пятое, десятое. Мелочи вроде бы, но навалилось все скопом. Еще и холодно было. Из окон дуло. Вот холод Игорь хорошо помнил. Младшему Пете едва исполнилось два месяца. Он плакал не переставая. Приезжали врачи, видели вполне упитанного ребенка – Петя родился крупненьким, почти четыре килограмма, – осоловевшую мать, которая металась между младенцем и старшим сыном, пьяного мужа и говорили, что все хорошо. «Попейте валерьянки». Игорь тогда выпивал не сильно, не до запоя, но крепко. Лариса не ждала от него помощи. Она просила, чтобы он ушел куда-нибудь и не позорил ее перед врачами. Он уходил, возвращался и заставал все ту же картину: Лариса с безумным, остановившимся взглядом над кроваткой плачущего Пети, и Гарик – тоже еще совсем маленький, который спал одетый, неумытый, на диванчике.

– Посиди с Гариком, – спокойно сказала тогда Лариса, и Игорь немедленно протрезвел от ее голоса, от ее взгляда. – Если с ним что-то случится или ты выпьешь хоть грамм, я тебя убью! Понял?

Игорю не нужно было повторять дважды. Лариса в тот момент была способна на все.

Она замотала Петю в три одеяла и ушла. Игорь даже не спросил куда. Потом она сказала, что доехала до детской больницы и заставила врачей осмотреть ребенка. У Пети была дистрофия, а у Ларисы перегорело молоко. Петю положили

под капельницу, Ларису отправили домой. Вот тогда она сидела на диване и мычала, как корова, которой проткнули горло и медленно выпускают кровь, держа за ноги так, что не дернешься. Она раскачивалась и мычала. Всю ночь…

Игорь тогда быстро пришел в себя. Пока Лариса днями и ночами сидела в больнице, рядом с Петечкой, которого выкармливали капельницей, он возился с Гариком. Наверное, тогда у них должна была образоваться связь – неразрывная, на всю жизнь. Но Гарик плакал и просился к маме. Он подходил и бил Игоря кулачком по коленке, все твердил: «Мама!» Ему не нужен был папа. Он не прильнул к нему, как к родному, как к защитнику. Считал, что папа виноват в том, что мама куда-то пропала. Пока папы не было дома, он оставался с мамой, как появился папа – мама исчезла. Детская логика. Железная. Непрошибаемая. Гарик перестал говорить. Замолчал. И в этом Лариса винила Игоря.

С Петей, слава богу, все быстро наладилось. Через неделю уже выписали, дали талоны на молочную кухню, и Лариса стала прежней. Она больше не мычала, а опять взяла на себя все, включая Гарика, который сидел на ней, как обезьянка, не слезал с рук. Лариса носила его на бедре, привязывала платком к спине, чтобы сварить жидкую манную кашку Пете. Гарик, едва оказавшись без тактильного контакта с матерью, поднимал настоящий вой. Он кричал в голос, пока не оказывался на руках у матери. Лариса даже в туалет с ним ходила.

Игорь бегал на молочную кухню и сам себя не помнил – надо было рано встать, прийти, забрать бутылочки. Он не пил, но находился в бессознательном состоянии, то ли от недосыпа, то ли от страха. Лариса спала с Гариком, который даже во сне держал мать за палец. Рядом стояла кроватка с Петей. Игорь был лишним. Он заводил себе будильник, чтобы не проспать поход на молочную кухню. Уходил, возвращался, снова ложился. Дремал около часа, вставал разбитый. Лариса готовила только на детей. И Игорь не заходил на кухню, чтобы, не дай бог, не сдвинуть с плиты кастрюльки с кашей для Пети и бульоном для Гарика.

Потом Гарик привык, что папа дома, и соглашался расстаться с матерью на час. Тогда Игорь выводил сына на детскую площадку, где тот катал машинку по бортику детской песочницы, делал пасочки и позволял отцу покрутить себя на карусели. Они – отец и сын – молча выходили, молча гуляли и молча возвращались. И оба – с облегчением. Гарик вцеплялся в мать, а Игорь уходил спать – прогулки его не бодрили, а вгоняли в сон, похожий на кому. Он ложился и тут же засыпал.

В следующий раз Лариса замычала, когда все было хорошо. Игорь пил в меру, приносил гонорары. Петя рос, тьфу-тьфу, здоровым – Лариса его раскормила и любовалась перевязочками на руках и складочками под попой. Правда, переворачиваться Петя начал поздно, а ползать и вовсе отказывался – ему мешал лишний вес. Врач советовал ограничить питание, делать массаж, но Лариса отказывалась. Один раз она пережила дистрофию ребенка, поэтому ни о каких ограничениях в еде и слышать не хотела. Варила манную кашку, жиденькую, совала в рот Пете то горбушку, то баранку, то печенье. Петя все время ел, безостановочно. Лариса была счастлива.

Гарик ходил в детский сад. Игорь забирал сына по вечерам из сада и вел домой. Если накануне он бухал, то к шести вечера приводил себя в норму и шел забирать Гарика. Все было отлажено, размеренно. Лариса по-прежнему спала в детской. Гарик уже не держал мать за руку, Петя спал спокойно.

Раз в месяц Лариса выходила из комнаты сыновей и приходила в спальню. Игорь исполнял супружеский долг, не понимая, зачем это вообще нужно. Ларисе точно не нужно, ему тем более. У него тогда были незамысловатые желания – выпить, поспать, найти денег и снова выпить.

Так и жили: завтракали, ужинали. Лариса гладила белье, мыла полы. Игорь вызывал сантехника, чтобы починить кран на кухне. Вывинчивал перегоревшие лампочки, ходил за картошкой в магазин. Курил на лестничной площадке. Нормально жили.

И тут вдруг Лариса опять замычала, как в прошлый раз. Сидела, обхватив себя за плечи на краю кровати, раскачивалась из стороны в сторону и мычала.

– Что случилось? – Игорь чувствовал себя виноватым, но не знал в чем. Ларисино мычание его уже не испугало. Раздражало? Да.

– Ни-че-го, – промычала Лариса.

Игорь закрыл дверь в комнату, чтобы не разбудить детей. Не то чтобы он сильно переживал за сыновей, но, если бы они проснулись среди ночи – до утра бы не угомонились. Проще было закрыть дверь.

– Ну, что с тобой? – Игорь сел рядом с женой. Она продолжала раскачиваться, как неваляшка. И мычала на одной ноте. Он поерзал и под тапочками почувствовал стекло.

– Ты что-то разбила?

– С зонтиком, – промычала громче Лариса.

Помимо страсти к посуде, у нее обнаружилась еще одна – она обожала фарфоровые статуэтки. Балеринки, девушки с зонтиками, с собачками, цветочками, в платьях, капорах, с кавалерами и без… Все эти безделушки сначала заняли полку в серванте, потом вторую, к ним прибавились собаки, кошки и прочие фарфоровые ужасы – немыслимые позы, страшные, одинаковые лица. Лариса тряслась над своей коллекцией, заботливо протирая пыль с каждой статуэтки.

– Ну, ничего, купишь себе другую, – ответил Игорь.

Лариса замычала еще громче.

Он нехотя пошел на кухню, накапал в водочную рюмку валокордин и принес жене. Она отмахнулась, но потом выпила.

– Я устала, очень устала, – сказала она.

Игорь кивнул, хотя не мог понять, отчего жена устала – все было как обычно, рутина. И он опять почувствовал себя виноватым.

– Ну, возьми отпуск, поезжай на дачу, – предложил он.

– Ты не понимаешь? Я от всего устала! От тебя, от дачи, от детей устала! От этой жизни устала! Ты понимаешь? Ничего ты не понимаешь!.. Никогда не понимал!

Игорь прекрасно помнил, что все началось с того срыва жены. Он помнил срыв и то, как потом все вдруг… завертелось, что ли. Или это случилось позже? Или срыв жены вообще ни при чем?

Он так часто отвечал на вопросы читателей про начало своей карьеры, что у него сложилась вполне себе полноценная легенда. Он в нее поверил. И только жена знала, как все было на самом деле. Или у нее тоже сложилась своя история? У каждого – своя правда? Да, у него, у Игоря, – своя. У жены – своя. И чья правда правдивее?

– Как началась ваша творческая карьера? – спрашивали Игоря Михайловича.

– Это была судьба, – отвечал он скромно. – Я раньше не верил в судьбу, а сейчас верю. Давно поверил. Мой лучший друг – мы выросли вместе – не сдал рукопись вовремя. Сами понимаете, писательство – это не болванки на заводе тачать. Муза прилетела, улетела. И вы же понимаете: в те годы… это было страшно. Даже опасно. И я предложил напечатать рассказы.

– Чтобы дать возможность другу закончить рукопись?

– Конечно. Я не сомневался, что его роман будет опубликован. А мои рассказики, как бы это сказать, «заткнули дырку». Тогда же были планы, сроки, пятилетки… Ну, вы слишком молоды, чтобы это помнить.

– Вы поступили благородно!

– Да нет, так бы каждый на моем месте поступил. Тогда мы знали цену понятиям «дружба», «предательство», «верность». Об этом и мои рассказы, кстати.

– Вы хотели рассказать детям об этих понятиях?

– Да, конечно.

– Вы могли предположить, предсказать такой успех?

– Нет, конечно. О чем вы говорите? Я вообще об этом не думал! Если честно, мне эти рассказы казались милыми, но не более того. Смешной разминкой. Я вообще не думал, что они увидят свет. Я же писал для себя, для семьи. Чтобы жене было приятно. Так, баловство.

Тут Игорь Михайлович говорил чистую правду – он не думал ни о славе, тем более такой, многолетней. Может, стоило рассказать, что он эти рассказы ненавидел? Считал худшим из написанного! Да ему было стыдно за каждую букву! А сколько он вытерпел насмешек? Эти рассказики ему всю жизнь перевернули – не отмоешься, не зачеркнешь, не перепишешь и, как оказалось, не выпрыгнешь из детских штанишек. Так и останешься недо-писателем, недо-детским, недо-взрослым.

– Ну что – про самолетики пишешь? Или уже до скакалок дорос? Все песочницы, грибочки, карусели? – шутил редактор Аркадий Леонидович, который тоже был удивлен успеху рукописи. Он снял свою фамилию из выходных данных, чтобы не позориться. Подписался Ивановым, и этого Игорь долго простить не мог. Удар тогда был сильным – по самолюбию, по самооценке. Даже не щелчок по носу, а как делали старшие ребята в лагере: «Хочешь, за ворота перекину? Есть верный способ. Знаешь секрет? Если голова за воротами, то и тело пройдет». Они обхватывали голову Игоря двумя руками и приподнимали от земли так, что ноги болтались. Он начинал кричать и дрыгать ногами. После этого голова еще пару дней трещала и взрывалась то у виска, то над бровью. Кровь носом шла. Игорь доползал до дяди Васи и падал в спасительный обморок у сторожки на проходной.

А книжка продавалась. И переиздавалась. Аркадию Леонидовичу премию дали за тиражи и открытие таланта. Тот напился с горя и от стыда. Не открывал он никаких талантов. Где сейчас этот Аркадий Леонидович? Поди, на кладбище. В гробу переворачивается – книжка-то переиздается. А его и в титрах нет – никто о нем и не помнит. И ведь был всесильный человек – бог, власть, сила. Сидел в огромном кабинете, на диванчике кожаном отдыхал, чай любил из персонального стакана в подстаканнике пить. На столе всегда баранки стояли. Всегда предлагал: «Угощайтесь!» – только никто ни разу ни одну баранку не съел. Игорь все мечтал взять одну, проверить, сломать в ладони – совсем старая или ничего себе, свежие подсыпают?

Игорь тогда, по молодости и злости, многое хотел доказать. Хотел, чтобы Аркадий Леонидович крякнул, ойкнул, охнул над новой рукописью. Признал бы за ним талант. Игорь пытался написать про грибочки-карусели, повторить успех, так сказать. Всем назло. Но не получалось. Не было в новых текстах развязной легкости, живости, дыхания. Тексты получились тягомотные, нравоучительные. Игорь и сам себе удивлялся – как он до этого-то писал?

– Вы, мой дорогой, – говорил Аркадий Леонидович, – автор одного рассказика. Да-да, рассказика, растянутого на книжку. Поделенного на главки и напечатанного большим кеглем. А что там текста? Тьфу! Кот наплакал. Две странички! Ну, три…

Игорь и на детскую площадку специально ходил, и на каруселях сидел в надежде подсмотреть, подслушать, а все никак. Натужно выходило, выдавленно. Будто и не он писал тот первый сборник. Не его рука. Он даже ушел в запой в надежде поймать ощущение, но Лариса быстро ему музу прогнала и бутылки выбросила. С такой женой с музами не забалуешь.

Он взялся за взрослую повесть. Долго думал, просчитывал. Сейчас выйдет с повестью, а потом и роман на стол положит – вот вам, подавитесь! Но повесть хоть и вышла – на волне случайного успеха сборника, – но не «прозвучала». Точнее, прозвучала похоронным маршем. Тут же появилась одна статья в солидной газете, где Игоря называли графоманом от детства, переростком от литературы – мол, пиджачок взрослый примерил, а с чужого плеча, не по росту, да и не по возрасту.

Игорь был уверен, что к публикации руку приложил Аркадий Леонидович. После этой статьи его жизнь и закончилась. Роман, все еще незавершенный, так и не взяли даже на рассмотрение, не поставили в план издательства. Аркадий Леонидович махал своими короткими ручонками, будто разгоняя мух, и отказывался читать рукопись.

– Заберите, даже смотреть не желаю, – визжал редактор. – После этой статьи?.. Да вы всех нас под монастырь подведете!

И кто кого подвел под монастырь? Время? Сгинуло издательство, а вместе с ним и Аркадий Леонидович. Нет, не так. Сначала Аркадий Леонидович вышел на почетную пенсию – успел, собака, уйти красиво. Это уже позже все закрутилось. И вот, та-дам, та-да-да-дам: Игорь, Игорь Михайлович Петров снова в строю, на боевом коне! Признанный классик, уважаемый человек, автор гениального произведения про детей, маститый детский писатель. Читает вслух рассказы, раздает автографы и рисует зайцев, похожих на черепах, которые, в свою очередь, похожи на собачью какашку с глазами. Все? Скушали?!

После того выступления ему выдали деньги в конверте. Игорь Михайлович не стал заглядывать в конверт сразу, растягивал удовольствие.

Выступал нехотя, снисходительно, будто делая одолжение. Свысока. Погладил несколько детских вихров, галантно приложился к ручке мамаши, откушал чай с пирожными. И уже дома открыл конверт. Там лежала купюра внушительного достоинства. Для него – внушительного. Никто никогда не платил ему только за то, чтобы… непонятно за что. Игорь небрежно бросил конверт на стол, чтобы увидела Лариса, и твердо решил для себя, что в следующий раз попросит оплатить такси. Вот так вот!

Лариса увидела конверт, хмыкнула и ничего не сказала. Игорь Михайлович пребывал в эйфории, ему давно не было так хорошо, да он и не помнил, чтобы ему вообще было так хорошо. От самого себя! От сознания собственной значимости! От того, что он есть! Его благодарили, говорили что-то приятное, он небрежно расписывался в книжках…

Игорь Михайлович пошел в ванную, тщательно побрился и решил отрастить волосы. Да, классик должен выглядеть немножко заросшим, чтобы торчали кудри во все стороны – ему это придаст солидности. И надо купить брюки – например, вельветовые – и пиджак. Обязательно пиджак, твидовый. Галстук не нужен, а вот туфли новые не помешают. Мягкие, модные. Раз он теперь выступает, то должен выглядеть соответствующе.

Игорь Михайлович взял с полочки крем жены и густо намазал лицо. Потом долго крутил головой, выбирая удачный поворот, наклон.

– У тебя что, опять простатит разыгрался? – постучала в дверь Лариса. – Затрудненное мочеиспускание? Сходи к урологу!

Игорь Михайлович поморщился. Вот умеет она двумя фразами испортить настроение. Просто удивительная способность.

После первого гонорара Игорь Михайлович почувствовал в себе силу, которая, как ни удивительно, находила подтверждения – приглашения поступали одно за другим. И он уже смело объявлял гонорар, на который соглашались, не торгуясь. Игорь Михайлович справил себе новые штаны в елочку, оранжевого цвета, и новый пиджак, в рубчик и с кожаными заплатами на локтях. Он решил, что будет

отрабатывать каждую копейку. И с каждым новым выступлением находил в себе новый талант – выступать, рассказывать, читать кусочки, учить детей нехитрым рифмам вроде любовь-морковь, зайчик-трамвайчик-пальчик-побегайчик. Детям за рифмы раздавали конфеты и шоколадки, мамы записывали в блокнотик, просили сфотографироваться. «А можно вы ребенка обнимете? А можно я поближе встану? А можно еще разик?»

Игорь Михайлович снисходительно кивал и уже профессиональным, отточенным, смелым жестом приобнимал мамашу за талию, склонялся к ребенку, будто говорит ему что-то, делал рожки или позировал солидно, как просила мама.

В новом пиджаке и штанах он чувствовал себя мэтром, настоящим писателем, признанным, а не просто так. Ему нравилось слышать звук собственного голоса, когда он читал отрывок. Нравилось учить, наставлять. Ему нравился букет чахлых хризантем, которые преподносили организаторы. Нравилось сидеть с микрофоном – он научился включать и выключать его так, будто делал это всю жизнь. Он, как и хотел, отрастил волосы и подумывал о шейных платках и костюме. Да, костюм нужен непременно – хотя бы ради фотографий. Ведь будут показывать друзьям, знакомым… Хвастаться будут…

Игорь Михайлович костюм не купил, но платок на шею стал повязывать. Без костюма даже было лучше, небрежнее. И он сделал то, на что раньше никогда бы не решился – покрасил волосы. Лариса так хохотала, что начала икать. А детскому писателю нравилось. Он смотрел на себя, и ему нравилось. И теперь он может выбирать – чай пить или кофе, опаздывать или нет. Продлить встречу или остановить. И где теперь все эти злопыхатели? И Лариса, хоть и хмыкает, но молчит, терпит. Считает подлецом, но ведь терпит. Сама-то уже – бабулька, тучная, живот-барабан, груди до коленок свисают, а он – очень еще ничего. Ему даже мамаши глазки строят. Вот так-то! Слава – она очень привлекательна.

Дымя на кухне в форточку, Игорь Михайлович подумывал о том, что надо бы вернуться к рукописям. Поднять старые заметки. Другое время, все изменилось. А у него теперь есть имя. Имя! Надо написать, обязательно – роман. Крупную форму. И всем показать. Вот сейчас съездит в Одинцово на выступление – пригласили специально, машину пришлют, – и сразу сядет за роман. У него после таких поездок подъем. Надо напомнить о себе. Пусть заявляют молодые, а он – напомнит. И пусть у всех челюсть отвиснет: жив, здоров, прекрасно выглядит, в отличной творческой форме!

Лариса относилась к его «гастролям» с презрением.

– Опять поедешь перхотью трясти? – удивлялась она.

– У меня нет перхоти, – обижался Игорь. Он теперь получил право обижаться. И позволял себе отвечать жене.

– Перхоти нет… Козла, если покрасить, он все равно козлом останется, – не унималась Лариса.

– Я, между прочим, не за бесплатно еду!

– Конечно. За новый носовой платок, которым ты морщины на шее будешь прикрывать.

– Я напишу роман… У меня есть имя.

– Лучше на дачу съезди, снег расчисти, писатель хренов, – ответила жена.

Игорь Михайлович вспыхнул, хлопнул рюмашку и начал рассказывать жене про второе дыхание, востребованность, нужность и про то, что он еще всем покажет.

– Посуду помой, – ответила жена.

И Игорь Михайлович покорно встал к мойке.

– Ты меня не понимаешь, совсем не понимаешь, – говорил он под звук льющейся из крана воды. – Зачем ты тогда за меня замуж вышла? Зачем столько лет со мной прожила?

– Что? – Лариса вернулась на кухню. Он и не заметил, что она вышла и он разговаривает сам с собой.

– А то! – Игорь Михайлович, стоявший в жениных резиновых перчатках, решил выяснить отношения. – Зачем ты за меня замуж вышла?

– Ты что? Ополоумел на старости лет? Как зачем? Так за квартиру же, – удивилась Лариса. – Ты что, не в курсе, что ли, был?

– Не в курсе!

– Тебе именно сейчас нужно устроить скандал?

– Я просто хочу знать!

– Столько лет не хотел, а тут вдруг захотел. – Лариса тяжело плюхнулась на стул. К вечеру у нее отекали ноги. Вены вздувались. Ходить было больно. Нужна операция – варикоз убрать. Только когда? То внуки, то дача…

Игорь Михайлович и не замечал, пока она ему не сказала. Ну и что? А ему легко, можно подумать? У нее ноги, а у него – сердце!

– У тебя двушка в Москве, а у меня развалюха под Тулой, – сказала Лариса. – Ты ж в те годы бухой был все время, вот и поженились-прописались. Мне в Москву надо было. Я же, когда ехала, думала, у родственников, дяди Коли и тети Зины, пропишусь и смотреть за ними буду, пока не помрут. А тут ты подвалился. Еще и лучше – быстрее получилось. Хотя сейчас думаю, что лучше б у родственников – они давно померли, а ты все ходишь-пердишь. Еще и меня переживешь. Такие, как ты, быстро не помирают. Сволочи, подлецы и эгоисты долго живут.

– А зачем ты со мной столько лет жила? – Игорь Михайлович начал демонстративно срывать с рук резиновые перчатки, изображая гнев.

– Так дети же… Первый аборт нельзя было делать – опасно, у меня ж резус отрицательный, а я детей хотела. А второй – так поздно спохватилась. Никто уже не брался. А потом уж – куда я денусь с двумя-то?

– Ты… ты… ты! – Игорь Михайлович осел на табуретку и схватился за сердце. – Убирайся! Видеть тебя не могу!

– Да щас! Сам и вали отсюда. Козел! Как был животным, так и остался, – спокойно ответила Лариса. – Разбираться он решил. Да ты с собой сначала разберись, а потом на меня пасть открывай. Хочешь уйти – да никто не держит!

Никогда я тебя не держала. Надеялась, что сам свалишь. Только у тебя кишка тонка. Ты даже уйти нормально не мог. Как мужик… Валандаться мог, а в последний момент хвост поджимал – и домой. Сейчас посмотри на себя: кому такое сокровище нужно? Ты думаешь, если волосенки свои жиденькие покрасил, так и помолодел? Если штаны новые нацепил, так мужиком стал? Не было у тебя яиц. Никогда. Хоть в штанах, хоть без. Понятно?

– Я никогда тебя не любил! – выкрикнул Игорь.

– Да очень надо было! Ты никого, кроме себя, не любил.

– Я дал тебе дом, крышу над головой, дачу… Я все тебе отдал!

– Ой, только не надо! Мне-то не надо рассказывать. Это ты журналисточкам да читателям своим рассказывай, а мне не надо тут творческую встречу устраивать. Отдал он… Ты лучше скажи, когда последний раз на могиле матери был? Ни разу с момента похорон. А у отца был? Нет! Ты думаешь, там бархатцы сами по себе цветут? Ага, сейчас, за здорово живешь они цветут. Да ты и дорогу туда не знаешь! А я знаю. Вот скажи, какой номер участка? А? Не знаешь? А я знаю. Так что я и квартиру, и дачу отработала. Твоих родителей я похоронила. За могилами я ухаживаю. Ты здесь никто, и звать тебя никак. Понял? Квартира – не твоя и не моя. Она детям достанется. И дача тоже. А если у тебя рука поднимется хоть метр отсудить, так я тебя удушу. Положу подушку и придавлю! Сил хватит, не сомневайся. А всем скажу, что сердце. Понял? И все поверят. Жене, которая с тобой столько лет прожила, очень даже поверят. Не волнуйся, я тебе камень хороший закажу. Хочешь, даже портретик твой сварганим. С фотографии, где ты в молодости.

Игорь Михайлович сорвал наконец перчатки и кинулся собирать чемодан. Потом подумал, накапал себе валокордин, посидел, заварил чай крепкий с сахаром и остался дома. Куда идти? Раньше к Сашке мог уйти или к бабе какой-нибудь, а теперь – некуда. Не к кому. Друзей нет, даже врагов нет, никого нет, кроме жены. Даже и детей, считай, тоже нет. Сын, Георгий, Гарик, про которого он те повести писал, первый из семьи сбежал – живет с женой и тещей. Двоих детей родил. С матерью общается, а с ним, с отцом, почти нет. Обиделся на что-то уже давно. А на что – уже и не вспомнишь. Лариса что-то говорила, но он мимо ушей, фоном все пропускал.

Младший, Петя, тоже давно не с ними. Всегда был трудный, с закидонами – уходил, приходил. Один раз появился – попросил денег. Игорь Михайлович не дал. Петя пропал. Жена все глаза проплакала – думала, что с сыном беда случилась. Объявился через пару недель, чтобы снова денег попросить. Лариса дала. Куда-то ездила, потом плакала весь вечер.

Сказала однажды: «Ты виноват!» Но Игорь Михайлович не понял, в чем. А выяснять не стал. Для себя решил, что сын – или наркоман, или алкоголик. Ну, значит, слабый. Еще в детстве плакал – жена ночи с ним не спала. Говорила: мальчик талантливый растет, с тонкой нервной организацией. Рисует, стихи пишет.

Потом как-то вдруг все выправилось. Оказалось, что Петя окончил художественное училище, потом институт. Женился. Внучка, Сонечка, от него.

Игорь Михайлович как-то нашел тетрадный листок со стихами. Прочел, корчась от презрения.

– Детский сад, – сказал он и скомкал лист, – бездарность.

Оказалось, что Петя, в ту пору подросток, все слышал. Проплакал всю ночь. Игорь Михайлович не помнил, как домой попал, и, конечно же, не слышал, как Петя плачет.

Он вообще не хотел растрачивать себя на бытовое – только расплескивать. Ведь считал, что туда все надо отдавать, без остатка – в тексты, в роман.

– Ты должен был ему помочь и поддержать, – убеждала мужа Лариса. – Он твой сын. Да, сложный мальчик, но мы должны быть рядом.

– Я не считаю, что должен поддерживать бездельника, который шляется не пойми где. Мы ему нужны? Зачем? Денег дать? А морда не треснет? В следующий раз появится – ни копейки ему не давай! Увидишь, быстро домой вернется, когда жрать нечего будет.

– Это мои деньги, и я буду их давать, кому захочу и сколько захочу, – зло процедила Лариса.

Игорь на нее тогда сильно обиделся. Если жена его не уважает, ни во что не ставит – чего же ждать от детей?

– Куда воду льешь-то? Классик недоделанный!

Игорь Михайлович очнулся – он снова стоял в резиновых перчатках и домывал сковороду. Задумался, погрузился в воспоминания.

А что, если написать про конфликт поколений? Отцы и дети, так сказать? Ведь он может использовать… Да, мясо есть. А это главное в романе. Когда есть мясо. Мышцы и кожу нарастить проще. Но основу надо брать из жизни – из своего, из нутра доставать. Вот написать все как есть – про мудрого отца, про неблагодарных детей, невозможность и нежелание понять друг друга. Да, это было бы хорошо, очень хорошо! И всегда насущно. Да, надо непременно попробовать.

Игорь Михайлович вспоминал, как писал тот самый сборник про Гарика. И помнил все, прекрасно помнил, в деталях, хотя, казалось, забыл. Давно решил для себя, что забыл.

С чего все началось? И что вообще считать началом? Наверное, с Люси. Надо же, и имя тут же всплыло: вот оно – на языке. У него ведь тогда случился бурный роман. Такой роман, который всю жизнь вспоминаешь. В то время ведь думал, что роман и роман, а если всю жизнь помнишь, то выходит, что любовь была. Если бы он тогда изменил жизнь, остался бы с Люсей, то как бы сейчас было? По-другому? Конечно, по-другому. Может, Люся была ему дана, чтобы жизнь изменить, а он профукал все… Теперь уже и не узнаешь.

Люся работала секретарем в издательстве. Игорь Михайлович, тогда еще молодой человек, начинающий и никому не известный прозаик Игорь, мечтал об одном – чтобы его рукопись приняли на рассмотрение. Ни о чем так не мечтал, как об этом – заходить в эти двери на правах автора, проходить в приемную и сразу в кабинет, где его ждет редактор. Он видел – так встречают авторов: двери нараспашку, секретарша уже с чаем наготове, редактор тоже, стоит, руку протягивает. А то и из-за огромного стола выбирается – идет встречать, стул отодвигает. А он не спешит, улыбается секретарше, жмет руку редактору…

Игорь писал роман. До окончания было еще далеко, но одна треть – две главы – очень, очень достойные. Игорь переписывал, перечитывал, давал «отлежаться» рукописи, возвращался, правил, вычеркивал, снова вставлял.

– Допиши – тогда показывай, – посоветовал Сашка Комаровский.

– Если начало понравится, быстро допишу. Ты только встречу мне организуй, – ответил Игорь.

– Запишись на прием, – сказал Сашка.

– И сколько ждать этого приема? Секретарша будет отфутболивать – редактор то в отпуске, то на совещании, то уехал… Замолви за меня словечко. Тебе это раз плюнуть, а мне, понимаешь, стимул нужен. Не могу я больше так, в стол, в неизвестность…

– А если твое начало не понравится?

– Пусть. Тогда я больше и пытаться не буду. Лучше сразу узнать. Или подскажут, как переделать.

– Дай хоть почитать.

– Дам, обязательно. Чуть поправить надо. Ты договорись о встрече. Ну к кому мне еще обратиться? Кого просить? Я уже по потолку хожу! Тебе-то хорошо, ты уже признанный, а я? Да мне только на прием попасть!.. Пусть критикуют, пусть ругают, я хоть буду знать, в какую сторону двигаться! Ну что я тебе объясняю? Ты же и так понимаешь лучше меня!

– Хорошо.

Комаровский всегда держал слово. Если согласился – значит, сделает.

Игорь поднимался по ступенькам и слышал, как стучит сердце. И это была не фигура речи. Игорь удивленно отметил, что стук сердца можно слышать так, что закладывает уши. Звук этот, надо сказать, раздражал и даже пугал. Нет, сердце не пробивало грудную клетку и не выскакивало из груди. Стучало громко,

заглушая чужие разговоры, грохот отбойного молотка на улице и все остальные звуки. Резкой болью отдавало между лопаток. Игорь поднимался по лестнице, чувствуя, что сейчас умрет – через одну ступеньку уж точно.

Кто придумал такие длинные пролеты? Вдруг защипало глаза. Игорь дотронулся до лица – пот с него тек ручьями. И это тоже оказалось не фигурой речи.

Игорь остановился, держась за подоконник, делая вид, что смотрит в окно, думает. И вдруг ясно и четко увидел себя лежащим на этих самых ступеньках, увидел свое фото в рамочке с траурной лентой. И Сашку Комаровского – с двумя чахлыми гвоздичками. И чуть не заплакал от такого видения. Или от боли – болела уже не только спина, но и резало в подреберье. Наверное, он опустился на пол или упал – не помнил. Помнил девушку – тонкую блондиночку, прозрачную, в очках с сильными диоптриями, которая спрашивала, что с ним случилось. Девушка была страшненькой, волосы жидкие, кофточка какая-то блекленькая, под горло, и не различишь – есть грудь, нет груди?

– Не уходите. – Игорь схватил девушку за руку. Сам не понимал зачем, но отчего-то твердо знал – эта девушка ему сейчас очень нужна.

Девушка руки не оторвала и нагнулась. Игорь почувствовал запах лаванды, детского крема и ромашки. Хотя нет, он подумал, что ромашка подходила девушке больше лаванды. Еще его очень беспокоил пот – надо бы вытереть лоб и нос, ведь ей может быть неприятно. Больше ничего не помнил.

Потом, когда он очнулся уже на огромном жестком диване в большом светлом помещении, судя по всему, в приемной, над ним стояла эта девушка – он узнал ее по очкам и кофточке. Еще отметил с сожалением, что груди нет. Рядом топтался врач и застыл мужчина в костюме.

– Очухался? – спросил раздраженно мужчина в костюме.

– Вам лучше? – озабоченно поинтересовалась девушка.

– Ну что ж вы так нас пугаете… – неискренне сказал врач.

– Сердце? – испуганно спросила у врача девушка.

– Абстинентный синдром, – ответил серьезно врач, и девушка захлопала ресницами.

Мужчина в костюме театрально развел руками – мол, так и думал, так и знал.

– Заканчивайте вы… дорогой мой… со своими… эээ… возлияниями. Скажите спасибо, что организм молодой. Но не крепкий. А дальше как? А после сорока? После сорока все вылезет, все болячки. Это, я вам скажу, опасно. Если вы уже сейчас… то потом… Ну, ничего, прокапаем вас, вернем, так сказать, к творческой жизни. А дальше все от вас зависит. Ищите себе другие источники, так сказать, вдохновения, – говорил врач, обращаясь то ли к Игорю, то ли к девушке, то ли к мужчине в костюме.

– О чем вы говорите? Я ничего не понимаю! – воскликнула девушка.

– Даже не мечтайте, как вас там, после всего этого. У меня предостаточно и без вас… так сказать… Ведь не хотел… За вас поручились, а вы! Как же можно было так подвести?! В какое положение вы поставили? А ваш поручитель?.. Вам не стыдно? Неужели нельзя было сдержаться, что ли? – кричал мужчина в костюме. Голос не соответствовал внешности. Мужчина был круглый, солидный, пузатенький, добрячок-боровичок, с лысинкой, с гладким личиком, маленьким носиком, вялым подбородком. Все в нем было меленькое – глазки, глубоко утопленные в набрякших веках, губы тонкие, рот девичий, даже уши были маленькие, аккуратненькие, розовые, плотно прижатые к голове. А голос шершавый, злой, неприятный, да еще и с дикцией проблемы – он пришепетывал.

Игорь заметил, что девушка – видимо, секретарша – замерла в испуге, глаза вытаращила, ссутулилась. Врач же кивал, соглашался.

– А куда я факт дену? Факт куда? – продолжал кричать мужчина в костюме. – Вызов был? Поступил отсюда? «Скорая» была? Абстинентный синдром был? Тьфу ты! Мало мне проблем, так еще вы – как вас там – устроили тут. Ну разве так можно? Разве нельзя в другом месте? Я же пошел вам навстречу! Вас записали, были готовы принять, а вы? Мне-то что делать прикажете? Куда мне факт засунуть? Мне за вас отвечать? Ну уж нет! Увольте! Я и так каждый день под угрозой хожу. Спать ложусь и то под угрозой! Это мне надо «Скорую» вызывать! Но я же себе такого не позволяю! Так что зарубите себе на носу: больше сюда ни ногой! Чтобы я вас больше не видел. И никакие поручители не помогут! Я на

себя не возьму! Это же… простите, аморальное поведение! Все зафиксировано, бумаги есть. Куда я бумаги дену? – мужчина в костюме потряс пухлыми кулачками над головой и снова застыл.

– Можем записать астму, так сказать… или аллергию на эту… что там у нас цветет? Березу! Береза подойдет? Очень творческий подход, – подсказал врач, – мы тоже люди творческие, так сказать. Не без талантов, так сказать… Можем пойти навстречу. Ради… ради… вы, молодой человек, у нас кто?

– Писатель, – промямлил Игорь.

– Вот, ради литературы пойдем навстречу! – объявил врач.

– Да какой он писатель! – отмахнулся мужчина в костюме. – Нет такого писателя и никогда не будет. Об этом я позабочусь лично, будьте уверены!

– Так писать астму или синдром? – уточнил врач.

– Пишите, доктор, пишите астму, березу – хоть золотуху. Что хотите пишите. А с меня уж… – мужчина в костюме развел руками – мол, просите, что хотите.

– Жена давно хотела в ресторан ЦДЛ, – подсказал врач. – Можно?..

Мужчина в костюме выдохнул с облегчением.

– Да в любой день! Скажите метродотелю, что от меня… Но ведь это надо же! В моей собственной приемной, на диване… Ну, это уже ни в какие ворота! Раньше такого не было! Не позволяли себе! А сейчас? Разболтались! Распоясались! Молодое поколение! Будущее литературы, как говорится. И что? Вот это будущее? С синдромом будущее? И как работать в таких условиях? Им-то хоть бы хны – отряхнулся и пошел. А мне отвечать, на собрании стоять…

– Ну, и куда прикажете вас доставить? – обратился врач к Игорю. – У нас, так сказать, стационарно. Или домой, амбулаторно?

– Не знаю… – выдавил Игорь. – Я в командировке… творческой…

– В Доме писателей? – продолжил веселиться врач. – И надолго? Двадцать один день? Официальная версия для супруги, так сказать? Ну, могу вас к нам положить. Восстановим, прокапаем, справочку справим… Кашка у нас по утрам хорошая… Ватрушки знатные… Развлечения не обещаю, но телевизор в холле имеется. Опять же, соседи по палате. Творческие люди в основном. Кажется, художник один лежит. Тоже с березой…

– Решайте уже скорее, – крикнул раздраженно мужчина в костюме. – У меня люди! Рабочий день! А вы тут прохлаждаетесь! Это ж какая наглость? Еще и от жены вас должны прикрывать! Нет, ну это – ни в какие ворота, я вам так скажу.

– Я его заберу. Ко мне везите. Тут рядом, – объявила вдруг девушка.

Врач и мужчина в костюме посмотрели на нее, потом на Игоря, который тоже с удивлением уставился на девушку.

– Голубушка, ну вам-то зачем такой подарок? – удивился мужчина в костюме. – Вы лучше чайку мне сделайте, да покрепче и с лимончиком. Позвоните и отмените встречи. Забирать она его собралась… Мало мне проблем! Тут у меня один синдром устроил, а секретарша – аморалку? Вы что, знакомы? Господи, устроили тут бордель!

– Мы не знакомы, – ответила девушка. – Мне просто его жаль. В больнице тяжело лежать, дома его не ждут. Что ж его – на улицу?

– Может, барышня, вы не поняли, – хмыкнул доктор, – но этот… так сказать… писатель, точнее сказать… пациент – женат. И скрывается от законной супруги. А абстинентный синдром, барышня, если вы не поняли, это алкоголизм. Пил… сколько дней вы пили, дорогой, так сказать, писатель?

Игорь замотал головой.

– Вот, полюбуйтесь, даже не помнит, сколько он пил! – воскликнул возмущенно мужчина в костюме.

– Все равно забираю, – ответила решительно девушка.

Всю эту сцену Игорь наблюдал будто со стороны. Будто не он лежал на диванчике, а кто-то другой. Еще успел подумать, что хорошая бы получилась сцена для романа. Острая, яркая, колоритная. Трагикомедия, можно сказать.

– Нет, ну это ни в какие ворота! – замахал руками мужчина в костюме.

– Так едем? Уверены? Вы должны сопровождать, – обратился врач к девушке.

– Как это? Что это? А рабочий день? На звонки – мне прикажете отвечать? Да что вы себе позволяете? Чаю! Можно мне хотя бы чаю? – кричал мужчина в костюме. – Я вас не отпускал, между прочим! Да что ж это такое? Я сам с собой разговариваю?..

Девушка, не обращая внимания на крики начальника, собирала сумочку и срывала с вешалки плащик и платок. Врач подмахнул бумаги и велел санитарам грузить пациента. Игоря на каталке провезли по коридору. Было больно, откровенно говоря, особенно на ступеньках. Санитары не особо церемонились, а указаний от доктора – быть поосторожнее – не поступало. Поэтому Игоря с ветерком протрясли по ступенькам так, что он аж подпрыгивал и только вцепился в бортики каталки, чтобы не свалиться.

Потом его со всего маха загнали в кузов «Скорой», и они поехали. Всю дорогу девушка держала Игоря за руку. Сидела рядом сосредоточенная, серьезная и ответственная. Доктор говорил ей что-то про препараты, режим питания, и она кивала, запоминая. Выписанный рецепт спрятала в сумочку.

Больного опять от души протрясли по ступенькам на второй этаж и свалили мешком на диван. За это девушка сунула санитарам деньги.

Игорь почувствовал жесткую подушку под головой и колючий плед сверху и уснул. Помнил только колючий плед и жесткую подушку. И больше ничего – провалился.

Надо сказать, Игорь хорошо выспался. Давно так не высыпался. Проснувшись, торжественно пообещал себе больше не пить. Никогда.

Где он находился – было совершенно непонятно. Игорь перевернулся с бока на бок, глубоко вдохнул – ничего не болело, голова была ясной. Только вот ничего не помнил…

– Ку-ку, – тихо сказал он и тут же подумал, что глупее ничего не мог придумать. А с другой стороны – не кричать же «ау», не в лесу ведь… И «алло» не скажешь. Игорь задумался о том, какой бы призыв был уместен в данной ситуации, если бы он, например, описывал эту сцену в романе. Главный герой, конечно же, не может кричать «ку-ку». Тогда Игорь крикнул «эй!», что тоже показалось ему неуместным и даже невежливым. Он уже собирался крикнуть: «Есть кто дома?», но отказался и от этого варианта. Он ведь не дома. Где он вообще?

– Ой, вы проснулись? Как себя чувствуете? – В комнату вошла девушка. Игорь подумал, что где-то он ее уже видел.

– Хорошо… А где я?

– У меня, – ответила девушка.

Игорь кивнул, будто этот ответ его абсолютно устроил и ему сразу все стало ясно. Он прикрыл глаза и подумал: сколько же нужно было выпить, чтобы… Ох… нет… Девушка-то страшненькая. Тихоня забитая. И груди под блузкой не проглядывалось. Ну ладно, у нее близорукость, судя по тому, как она щурится. Но он-то куда смотрел? Неужели он ее… это… Нет!.. И как теперь сбегать? Игорь украдкой посмотрел на свою руку – обручальное кольцо на месте. Значит, барышня в курсе, что он женат. Ну и слава богу. И как это он кольцо не снял? Ведь обычно снимает.

– Меня Людмила зовут. Можно Люся, – представилась девушка.

– Да, я помню, – сказал Игорь. – А меня – Игорь.

– Я знаю, – покраснела девушка. – Вы чай будете? Я яичницу пожарила. Вы извините, мне на работу пора. Но вы лежите. Оставайтесь, сколько нужно. В ванной чистое полотенце. Отдыхайте. Доктор сказал, что вам необходимо отлежаться. Лекарства я купила – на тумбочке. Примите после еды. Я побегу. Если уйти захотите, то просто дверь захлопните.

Игорь кивнул. Девушка еще немного постояла, вздохнула и ушла.

Игорь встал и направился в ванную. Постоял под холодным душем и постепенно пришел в чувство. Вспомнил поход в издательство, как стучало сердце, свое позорное и катастрофическое возлежание на диванчике в приемной, слова редактора о том, чтобы он даже и не думал после всего этого… И ему снова стало плохо. Голова закружилась, подступила тошнота.

Игорь выполз из ванной и кое-как доковылял до кухни, где его ждала яичница. То ли душ так подействовал, то ли осознание полного, сокрушительного провала и бесконечного, удушающего стыда, но он не выдержал и расплакался. Вспомнил, как увидел Люсю, и ему показалось, что она могла бы быть посимпатичнее. А ведь забрала его к себе… Не испугалась редактора, слухов за спиной. Пожалела… Уложила, полотенце приготовила, еще и завтрак оставила. Лариса никогда его не жалела…

Как-то он напился и ломился в дверь. Жена не открыла, даже не выглянула. Он проспал всю ночь рядом с детской коляской сына, стоявшей в общем тамбуре, в которой, по счастью, оказалось одеялко. Утром Лариса пнула его в бок, выдрала одеялко, которое он кое-как скомкал и подложил себе под голову, и ушла стирать.

– Испоганил детское! – брезгливо сказала жена.

– Можно мне хоть помыться? – попросил Игорь.

– Где бухал, там и мойся. – Жена захлопнула дверь.

Лариса скорее могла пожалеть животное, чем человека, – людей она не умела жалеть. «На всех жалелки не хватит», – говорила она. А уж опустившихся алкоголиков, побирушек на улицах и погорельцев, которые ходили по квартирам, жена ненавидела яростно. Как-то одну такую женщину, которая попросила ненужные детские вещи, Лариса чуть с лестницы не спустила. А у нищего в переходе, протянувшего ей навстречу картонную коробку с мелочью, она ногой выбила ее из рук. И пошла дальше, пока нищий ползал и собирал копейки.

Игорь прекрасно знал, что домой ему нельзя. Не из-за того, что уехал якобы в пансионат, а сам в Москве торчит. А из-за состояния его здоровья. На адюльтер Ларисе было наплевать, а вот многодневную пьянку она распознает. Она его быстро заставит пешком за «Скорой» бежать и проситься в больницу.

А эта секретарша его пожалела. Чужого человека, женатого, который врал жене, напился и заявился в издательство… Подвел Сашку… Издатель его видеть не хочет, а она ему – завтрак готовит. На столе под салфеткой оставила. Яичницу прикрыла сверху другой тарелкой, чтобы не остыла, не заветрилась. И оставила его одного, в квартире. Даже дала возможность уйти. Она или дура, или сама святая наивность.

Игорь, продолжая хлюпать, то ли жалея себя, то ли страшненькую секретаршу, жевал яичницу. На другой тарелке он нашел докторскую колбасу, уже порезанную аккуратными ломтиками. И опять чуть не подавился от умиления. Докторскую он любил с детства. А жена предпочитала с жирком, телячью или краковскую, от которой у Игоря сводило желудок. Жена, зная, что Игорь любит именно докторскую, никогда ее не покупала. Зачем? Дети ведь тоже больше любят телячью или любительскую. А тут вот – докторская… Ешь, сколько хочешь! Хлеб ломтиками. И в квартире – тихо, спокойно, чистенько. Тихий двор, не то что у них – вечный шум от дороги, да еще магазин рядом, детские сады, площадка. Дети вечно орут. Здесь же – удивительная тишина. Птички чирикают. Балкончик крохотный.

Игорь подскочил и кинулся к пальто. Сигареты! Ему срочно нужно покурить! Он хотел выйти на этот балкончик и постоять в тишине. И когда он достал из кармана пачку – новенькую, чистенькую, не смятую, то сел на пол, обхватил руками колени и, раскачиваясь, тихо заплакал. Как в детстве… Значит, пока он спал, эта Люся сходила и купила ему сигареты! Неужели бывают такие женщины?! Или у нее просто зашкаливает градус жалости? Да зачем он вообще ей дался? Ладно бы, холостой был… Но ведь нет. Тогда почему она с ним носится?

Игорь доел яичницу, покурил, сварил себе кофе в призывно стоящей на плите турке – банка с зернами стояла на виду не случайно, а для него. И кофемолка в углу – старенькая, шнур изолентой перемотан.

Игорь походил по квартире: халатик в ванной, одинокая зубная щетка, жесткая мочалка… Явно девушка живет одна. Вот фотографии за стеклом мебельной

стенки: сумрачное лицо женщины, судя по всему, матери. Наверняка покойной.

Игорь не сдержал любопытства – заглянул в шкаф: четыре платья, почти одинаковых. Блузка белая. Одно парадное платье. Пальто – старое. Демисезонное. С отстежным воротником. В ящике стола – сберкнижка, на счету – совсем немного. В шкатулке – два колечка, золотая цепочка.

Игорь хотел уйти. Пора и честь знать! Надо домой возвращаться. Несколько раз собирался, обувался, но снова снимал обувь, курил, размышляя о том, не само ли провидение привело его в эту квартиру? И считать ли это поворотом судьбы или простой случайностью, пьяной оказией, так сказать?

Игорь сморщился от произнесенного про себя «так сказать» и вспомнил вчерашнего врача. Вот ведь засело, приклеилось к языку.

Когда он в очередной раз собирался уходить, помня, что нужно просто захлопнуть дверь, раздался телефонный звонок. Игорь перепугался, не зная, что делать. Отчего-то ему показалось, что звонит тот самый мужчина в костюме, из издательства, который кричал заполошно: «Чтобы духу, чтоб мои глаза не видели, что мне делать с фактом? Еще и аморалка!» И сейчас он скажет ему… Что должен был сказать редактор – Игорь не знал. И с чего ему вдруг звонить сюда – тоже непонятно. Но страх оказался сильнее – Игорь опять вспотел и его начало мутить. Даже голова закружилась – как тогда, на ступеньках. Он присел на диванчик и уставился на дребезжащий старенький аппарат с намертво перекрученным проводом.

А если вдруг что-то случилось? Если звонят вовсе не из издательства? А вдруг пожар? Или авария какая? Игорь сбегал в ванную – проверить: выключил ли воду и не устроил ли потоп соседям. Прошел на кухню, принюхиваясь: газом не пахнет. Значит, не соседи. Тогда кто? А если мать этой Люси звонит, которую он уже записал в покойницы, а может, она жива и звонит дочери? Игорь снял трубку, поднес к уху, но молчал.

– Это я… – прошептал на том конце девичий голосок.

Игорь молчал.

– Это Люся… Игорь Михайлович, вы не ушли?

– Можно просто Игорь. Откуда вы знаете мое отчество? – испуганно и оттого излишне строго спросил он.

– Так в пропуске было написано. Вы же записывались на прием… Я вас записывала, помните? – Люся чуть не плакала, и он почувствовал себя форменным негодяем. Вот просто отвратительным подлецом. Можно было бы и повежливее с ней…

– Люся, простите, не хотел вас обидеть. Я еще не очень хорошо себя чувствую… Голова кружится.

– Да, конечно, что вы… – залепетала девушка. – Я хотела только сказать, что в холодильнике, в кастрюльке, на второй полке, котлеты. Если вы проголодались… Доктор сказал: вы должны питаться. Так вот там – котлеты. А вечером я зайду в кулинарию. То есть… вы сейчас поешьте, если собрались уходить. Доктор сказал, что вам нужно восстанавливаться… и питание… полноценное… в холодильнике. От питания быстрее проходит… Всего хорошего, – и Люся положила трубку.

Игорь так и стоял около телефона, слушая гудки. Котлеты – это очень хорошо. Есть вдруг захотелось зверски! Доктор, видимо, оказался очень понимающим в таких делах. В конце концов, Игорь получил разрешение на холодильник, так что может сначала поесть, а потом уж отправляться на все четыре стороны.

Он пошел на кухню и съел все котлеты из кастрюльки. Хотел оставить парочку для приличия, но как-то задумался и не заметил, как доел все.

Потом он опять курил на балкончике. Это же надо!.. До чего тихий двор – просто благодать! Никаких детей, никаких криков… Одинокая бабулька на скамейке голубей кормит. Голуби курлыкают. Только их и слышно. Здесь вот – самое раздолье писать, в такой тишине. Сиди и пиши, не отвлекайся. Береза под окном, клумба… Красота, а не жизнь!

Игорь усилием воли вернул себя к действительности – после котлеток клонило в сон. Но сначала надо было решить: уезжать или оставаться, звонить жене или нет? Со вторым оказалось проще – Игорь решил не звонить. Лучше уж сразу приехать и пережить один скандал, а не затяжную серию.

Глаза просто слипались. Игорь уже не мог сдерживать зевоту и решил вздремнуть чуток, а потом уже ехать. Он помыл за собой посуду, тщательно потер кастрюльку железной губкой и пошел в комнату. Задержался по дороге перед шкафом. Дверцу он оставил открытой и перепугался – Люсе может не понравиться, что он разглядывал ее гардероб. На внутренней стенке дверцы было зеркало в полный рост, и Игорь скользнул взглядом: а он еще ничего!..

Жене никогда не нравилась его фигура. Она говорила, что у него женские формы: узкие плечи, тщедушная грудная клетка и пышный низ.

Игорь втянул живот и решил, что займется физкультурой. Он еще покажет, у кого женская фигура! Можно подумать, у Ларисы идеальная. Если у него женская, то у нее, скорее, мужская – сбитая, здоровая, широкоплечая, как пловчиха. Ноги крепкие, рука тяжелая.

Игорь встал перед зеркалом в профиль – нормальные бедра. И ноги не короткие. Нормальные ноги. Лицо зато – интересное, как замечали многие женщины. Тонкий нос, высокий лоб, очки, прибавлявшие ему возраст и придававшие солидность. Очень даже интересное, привлекательное лицо! Интеллигентное, умное. Жене не нравился его рот – губы она считала излишне, неприлично пухлыми. И руки – маленькие для мужчины, с изящными лунками ногтей. Жена говорила, что у него «бабские руки». Игорю казалось, что она завидует его рукам. У нее самой были толстые, длинные, сильные пальцы, железные подушечки, крупные ладони и некрасивая, будто недоразвитая, ногтевая пластина. Руки профессиональной виолончелистки.

В ЗАГСе с обручальными кольцами случилась неприятная заминка – кольцо большего размера предназначалось жене, а меньшего – мужу. Перепутали. Пытались надеть, но ничего не получалось. Потом сообразили: поменялись кольцами, но осадок остался.

С возрастом обоим стало неудобно носить кольца: у жены отекали руки к концу дня, и кольцо впивалось в кожу. У Игоря, наоборот, руки худели, усыхали, и кольцо норовило слететь с пальца.

Игорь аккуратно закрыл дверь шкафа и прилег на диванчик. Две комнаты – эта, с диванчиком, считалась гостиной. Другая, куда он заглянул, но не стал

любопытствовать, была спальней. Жена называла гостиную – «залой»: в зале, в залу, из зала. «В зале надо пропылесосить», «Выйди из залы – я проветрю», «В залу не заходи – полы еще мокрые…»

Почему он на ней женился? Игорь лежал под колючим пледом и курил. Ему надоело бегать на балкончик, он открыл окно в комнате и приспособил под пепельницу блюдце. Думал о том, что Люсе может не понравиться, что он курит в комнате, но встать уже не было сил. Ну, извинится, проветрит перед ее приходом – еще есть время. А то и вовсе уйдет и никогда эту Люсю больше не увидит.

Он курил лежа, и это было очень волнительно.

… Но ведь когда-то он любил жену! Должен же был ее любить! Она казалась ему доброй, заботливой. Да, немного властной, что ему тоже нравилось. Лариса взяла его жизнь в свои руки, устроила его быт. Он этого и хотел. Ему нужна была именно такая женщина. Она была рядом в тяжелые минуты, всегда рядом. Без Ларисы он бы не справился. У него, благодаря ей, сложилась полноценная семья – жена, двое детей, оба мальчики. Эта строчка в личном деле еще никому не мешала. Примерный семьянин.

Игорь вспомнил, что Лариса когда-то была совсем другой. Или казалась ему другой: мягче, искреннее, добрее, что ли. Да, точно было время, когда Игорь чувствовал себя влюбленным и находил в Ларисе прелести – скулы, например. Очень красивые. И он бы продолжал находить и увлекаться, влюбляться, если бы не случайное замечание Сашки, которое вдруг всплыло и не уходило, как ни гони прочь.

– Очень корпулентная барышня. В твоем вкусе, – сказал тогда Комаровский.

Игорь внутренне взбеленился. Нет, его не столько задело замечание «в твоем вкусе» – при том что это было неправдой, – сколько слово «корпулентная». Красивое определение, точное. Только это должен был сказать Игорь, а не Сашка. Игорь любил бравировать словечками, а у Комаровского опять получилось изящнее, прямо в яблочко. Игорь еще подумал, что надо бы запомнить и употреблять при случае – как звучит, как характеризует! Откуда только Сашка взял его?

Это сейчас Лариса превратилась в кремень, в непробиваемую глыбу, а ведь когда-то была милой девушкой, такой же, как Люся. Заботливой, услужливой. Или Игорь тогда ничего не замечал, не видел? Он вдруг вспомнил один случай.

Лариса тогда уже переехала к нему. Была назначена дата свадьбы. Лариса сказала, что они должны экономить. Ему нравились ее деловая жилка, ее природная скаредность, пристрастие к заначкам – пусть мелким, ничтожным, но все же… Он помнил, как она перетрясла все книги из домашнего книжного шкафа и в Лермонтове нашла десятку, а в Тургеневе – трешку. Восторгалась, будто нашла сокровище. Игорь вроде бы радовался внезапно появившимся деньгам, но ему было жаль, что их нашла Лариса, поэтому и распоряжаться ими могла она. Ему нравилось, что она очень отличается от матери – ничего никогда не теряет, до копейки помнит, сколько лежит в кошельке, откладывает, считает, выгадывает. Он тогда подумал, что с такой Ларисой не пропадет, вырвется из вечной нищеты, из этого родового проклятия – жить так, как жили твои родители, и твои дети будут жить так же, не лучше.

Когда Игорь покупал водку вместо продуктов, Лариса хмурилась, но терпела. Она вообще казалась Игорю очень терпеливой. Мать начинала плакать, отец – скандалить, а Лариса просто молчала, уходила в себя. Ему так даже было удобнее.

После очередной случайной попойки Игорь вернулся домой с букетом увядших астр. Ларисе нравились цветы. И если он напивался, то всегда шел домой с цветами. Жена тогда не так долго молчала.

В тот вечер в подъезде Игорь остановился – откуда-то слышался писк. Под лестницей он обнаружил коробку с новорожденными котятами. Видимо, домашняя кошка окотилась, и хозяева выставили коробку под лестницу, пожалев котят. Возможно, надеялись на то, что их найдут дети и уговорят родителей забрать хотя бы одного – так и разберут. Или, что более вероятно, рассчитывали на дворника – отнесет коробку на помойку. Игорь, пьяный, но как раз до степени душевного порыва, сграбастал коробку и возвратился к метро. Там, в подземном переходе, он и выставил коробку.

Было уже поздно. Милые, добросердечные детишки сидели по домам и смотрели «Спокойной ночи». Рядом с Игорем стояла бабуля, регулярно торговавшая в переходе метро пакетиками с домашней малосольной капусткой, несмотря на то что ее все время гоняла милиция.

– Милок! Твои, что ль, котята? – спросила она.

– Нет, нашел. Жалко же…

– Давай я постою. Раздам в добрые руки. У меня-то скорее возьмут. Я же старенькая. А ты, вон, с цветами… Небось к жене спешишь или к невесте?

– К невесте! – соврал Игорь.

– Ты мне это, рублик-то дай, за труды, а то ноги-то – не железные. Болят. Колени болят. А за рублик я твоих котят быстро пристрою! Завтра с утра встану и раздам. На ночь, не волнуйся, к себе заберу, не дам замерзнуть.

Игорь достал из кармана последний рубль, который ему выделила Лариса на неделю. Бабуля забрала коробку.

– Иди с богом, будь спокоен!

Игорь вернулся домой практически счастливым. Он рассказал Ларисе, что нашел котят, что вышел в переход, передал их бабуле, которая завтра же раздаст их в добрые руки. Ему хотелось, чтобы Лариса умилилась, восхитилась, порадовалась за несчастных брошенных котят. Но она только хмыкнула.

– А что ты хмыкаешь? Что? – вдруг завелся Игорь.

– Ничего, – Лариса поставила цветы в вазу. – Не будет она их раздавать. Утопит или подбросит в другой подъезд в лучшем случае. Не будет она стоять с коробкой. А если и будет, то за деньги.

– Я ей рубль дал!

– Понятно…

Лариса умолкла и молчала весь вечер. Игорь же разбирался с собственными чувствами. Он сделал для котят все, что мог. А то, что потом с ними будет, – так это не его забота. Ну нет, бабуля не такая! Не станет она выбрасывать котят в

ближайшей подворотне. Хорошая бабуля…

Следующим вечером Игорь шел домой, прислушиваясь к каждому писку. Но ни бабули в подземном переходе, ни коробки на помойке не нашел. В подъезде тоже было тихо. Значит, бабуля поехала на Птичий рынок и рубль свой честно отработала. Ну, и кто был прав?

– Людям надо верить, – объявил он Ларисе. Та все еще играла в молчанку, так и не простив ему отданный рубль.

На следующий день Игорь напился уже к обеду. Сам не понял, как это получилось. Развезло буквально с полбутылки. Закуски не нашлось, вот и поплыл.

Домой шел медленно, преодолевая тошноту, дышал носом. И в подъезде услышал писк. Подумал, что почудилось, показалось. Но нет – под лестницей стояла коробка с котятами. Игорь сграбастал коробку и пошел в переход. Там стояла та же бабуля, продавая аккуратный мешочек с квашеной капустой дамочке.

– Вот, – он поставил перед ней коробку.

– Милок, ты что, котятами размножаешься? Лучше бы детишками размножался, – поохала бабуля.

Игорь молча выдал ей рубль, который спрятал во внутренний карман пиджака. В мастерстве делать нычки он поднаторел не хуже Ларисы. И ушел. Правда, обернулся – ему вдруг показалась знакомой и коробка, и котята, сидящие в ней. Но лишь на мгновение. Игорь уже не думал про себя как про героя – хотелось побыстрее добраться домой и лечь.

– Опять котят подбросили, – сообщил он Ларисе.

– И ты опять отнес их бабке?

– Да.

– И дал ей рубль?

– Откуда ты знаешь?

– Ты взял из «свадебных» денег…

Лариса завела специальную шкатулку, в которую складывала «свадебные» деньги – копила.

– Да, взял! Имею право! Не нравится – можешь не выходить за меня замуж!

Игорь пошел в спальню и тут же уснул. Радовался, что в доме тихо – никто не плачет и не скандалит.

Конечно, свадьба была. Они с Ларисой и Сашка Комаровский с подругой Ларисы – Наташей – с красными лентами «Свидетель» поперек груди. Игорь помнил, что ему все указывали – куда идти, где стоять, что делать… Сюда, туда, заходите, кольцо взять, расписаться там, куда указывает указка, взять букет у невесты, отдать букет, встать, можете поцеловать, стойте, поздравьте, выходите…

Он находился в прострации. Ему даже это нравилось – за него все решали. Водили, отводили, усаживали, укладывали. Счастливое, можно сказать, было время! Он был постоянно пьян. Причем на законных основаниях. Но долго так продолжаться не могло.

Игорь помнил прекрасно один момент. Открыл утром глаза и увидел в углу, рядом со шкафом, что-то черное и большое, похожее на гроб. Тут, конечно, он пообещал себе заканчивать с затянувшейся гулянкой. Допился до глюков! Игорь закрыл глаза, снова открыл, но черный гроб не исчез – стоял, прислоненный к шкафу.

Он повернул голову – рядом, чуть подхрапывая, спала Лариса, уже на правах жены, уверенно заняв бо?льшую часть кровати. До этого устраивалась на самом краешке и, насколько помнил Игорь, не храпела.

– Что это? – Игорь достаточно резко ее толкнул в спину.

– Где? – Лариса испуганно села.

– Вот это! – Он показал на черный чехол в углу.

– Виолончель, – ответила Лариса, снова легла и повернулась на другой бок.

– Откуда здесь виолончель? – Игорь снова ее пихнул. Он было подумал, что в пьяном угаре умудрился купить виолончель.

– Я принесла, – ответила Лариса.

Она всегда прямо и четко отвечала на поставленные вопросы. Игоря это поначалу умиляло, но очень быстро стало раздражать. Он что – должен у нее интервью брать? Наводящие вопросы задавать? Сама рассказать не может?

«Что это?» – «Виолончель». – «Откуда?» – «Принесла».

– Зачем принесла? – Игорь старался держать себя в руках, хотя в голове звонили колокола на разные лады.

– Так я же теперь здесь жить буду. – Она все еще надеялась хоть немного поспать.

– Лариса, ты издеваешься? Можешь нормально все объяснить?

– Что объяснить? – Она искренне не понимала, с чего вдруг он начал орать.

– Откуда у тебя виолончель? Ты играешь?

– Да, играю. – Теперь уже Лариса смотрела на Игоря с недоумением и легким испугом. Зачем нужна виолончель, если не играешь?

– Ты в детстве занималась? – Игорь решил, что инструмент – память о детстве. Оставляют же пианино, на котором давно никто не играет. Ради детей и внуков. Или когда жалко отдавать – инструмент старый, еще бабкин там или вовсе от прабабки достался.

– Конечно, занималась, – ответила Лариса.

Игорь замычал в ярости.

– Сейчас ты играешь? – сдерживаясь из последних сил, спросил он. Неужели и так непонятно: он просыпается после свадьбы и первое, что видит в спальне, – виолончель, футляр от которой принял за гроб. У него похмелье, тяжелое. Можно объяснить, откуда в его спальне появилась виолончель?

– Играю, конечно. Что ты вдруг злым стал? – Лариса проснулась окончательно.

– Потому что ты нормально ничего сказать не можешь! – заорал Игорь.

– Могу. Что я должна сказать?

– Просто расскажи мне про виолончель, – потребовал Игорь.

– Инструмент старый, но хороший. Футляр надо новый купить, но это потом, когда деньги будут, – покорно начала говорить Лариса.

– Ты дура? Полная? Или издеваешься? Да плевать я хотел на виолончель! Что она в моем доме делает? Ты по вечерам пиликать будешь? У нас будут домашние концерты?

– Нет, не волнуйся! По вечерам только иногда, если нужно будет что-то новое разобрать.

Игорь лежал и думал, что свадьба оказалась трагической ошибкой. Как он вообще на это согласился? Меньше пить надо! Он ведь ничего, ничегошеньки не знает о Ларисе. Да, жили вместе. Да, знал, что у нее музыкальное образование и она поет русские народные песни ужасным, с его точки зрения, голосом. Но он не уточнял детали, а она не рассказывала. Да они вообще не разговаривали! Сегодня он узнал, что она играет на виолончели. А завтра что еще выяснится?

– Это моя работа. – У Ларисы глаза были на мокром месте. Она встала и начала убирать постель. – Играю в ЗАГСе. Понимаешь? Марш Мендельсона, вальсы.

Вместе с Наташей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/masha-traub/prodaetsya-dom-s-dedushkoy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити